

ФЕНОМЕН ЧУДА В ИСТОРИИ РОССИИ. ЧТО ЗА НИМ?

Р.И. СОКОЛОВА

Для России с ее сложной и драматичной судьбой, когда ей постоянно приходится пребывать в предельной, пограничной ситуации и стоять перед выбором — выжить или погибнуть, задача поиска адекватных ее истории понятий всегда актуальна. Недаром же А.С. Пушкин ясно говорил, что «объяснение русской истории требует другой формулы». Представляется, что такой формулой и таким понятием, отражающим отчаяние и в то же время последнюю надежду миллионов людей в России, когда им приходится быть в ситуации выбора, является понятие чуда. Это понятие воплотило в себе опыт по выживанию народа в исключительных исторических и политических обстоятельствах. Оно наилучшим образом выражает способность государства и народа в экстремальной ситуации справиться со всем грузом трудно решаемых проблем. Поэтому отказываться от такого опыта, нашедшего свою ценностную фиксацию в понятии чуда, было бы неразумно. Более того, это понятие заложено в самом основании культуры и даже стало составным элементом национального менталитета, заключая в себе весь комплекс экзистенциальных, социальных и мировоззренческих проблем.

Непривычность обращения к такому понятию может вызвать в качестве первой реакции недоумение, а, возможно, и неприятие, ибо привычным стало его восприятие лишь как метафоры, емко выражающей необычайные достижения и успехи, а не как философского понятия, и тем более междисциплинарного концепта, содержащего важные эвристики. Однако именно это понятие применительно к России может закрыть некоторые зияющие объяснительные проблемы.

Конечно, русская история описывается экономическими, политическими, социологическими законами и осмысливается в соответствующих понятиях, но совершенно очевидно, не исчерпывается ими. В критической ситуации (которым несть числа) над нею все-таки властвует до сих пор до конца не осмысленный, требующий своего исследования, феномен «чуда». Не случайно ряд американских исследователей и публицистов, анализирующих далекое и близкое прошлое России, исходит из того, что все происходящее в этой огромной стране, объяснимо лишь в рамках концепции чуда, поскольку слишком многое в русской истории нельзя объяснить рациональным, логическим путем.

Хотя «русское чудо» семантически стоит в одном ряду с немецким, японским и прочими примерами чуда, их основания существенно различаются. Не вдаваясь в подробности этих различий, отметим лишь, что к истории российского государства это понятие применимо более чем к чему-либо другому. Прежде всего, чудом было само возникновение русского государства. Тот факт, что не слишком многочисленное славянское племя, сумев одолеть своих недругов, собрало вокруг себя около сотни народов и, охватив своим творчеством самое большое и суровое в мире пространство, создало величайшую державу, которую успешно обороняло в течение столетий, безусловно, является *геополитическим чудом*. Его наглядной иллюстрацией служит географическая карта, которая (даже сейчас, в уменьшенном варианте) остается напоминанием об этом чуде и действенным лекарством от комплекса неполноценности, усиленно прививаемого русскому народу.

История России как *история непрерывных оборонительных войн* складывалась таким образом, что без событий невероятных, т.е. чуда, Россия, возможно, уже не существовала бы. Согласно подсчетам известного историка С. Соловьева, в течение своего *первого* сравнительно спокойного периода (около 800 — 1237) Россия должна была отражать военное нападение *каждые четыре года*. В период 1240 — 1462 гг. ей пришлось отражать *двести* новых вторжений, т.е. *почти каждый год*. По данным современного историка И. Фроянова, за 537 лет от Куликовской битвы до Первой мировой войны Россия воевала 334 года. Из них одну войну она вела против девяти держав, две войны против пяти держав, двадцать пять войн против трех держав и тридцать семь войн против двух держав одновременно¹. Это значит, что на *каждые три года* жизни в России приходится *два года войны и один год мира*. После Первой мировой войны последовали революция 1917 г., Гражданская война, Вторая мировая война, холодная война, события 1990-х гг., принесшие хаос, две чеченские войны, разруху и деградацию страны. По всем рациональным выкладкам экономического и политического порядка Россия уже не должна была бы существовать. И то, что Россия все еще существует, уже есть чудо.

С понятием чуда может быть связан определенный вклад философии в решение острейших проблем современной России. Однако до настоящего времени проблема чуда по сравнению с другими философскими проблемами находится в совершенно неразработанном состоянии. В результате вне поля зрения остается необычайная глубина, непознанность и многогранность этого понятия именно как философского в практике исследования исторических, социально-политических, экономических явлений. Забвением трудного и недооцененного понятия чуда можно объяснить существенные лакуны в теоретических исследованиях, посвященных социально-политическим проблемам.

1. Некоторые философские и научные подходы к понятию чуда

О том, что такое чудо, размышляли многие выдающиеся умы, поэтому, несмотря на то, что это понятие давно не встречается в философском обиходе, оно, тем не менее, имеет длительную философскую традицию. В западной философии все мыслители, начиная с древних греков и кончая современными философами, уделяли ему определенное внимание. Между тем, рамки данной работы не позволяют рассмотреть многочисленные философские концепции, посвященные проблеме чуда.

Наиболее подробно в истории русской, а возможно, и мировой философии, как считают некоторые исследователи, понятие чуда рассматривается в книге А.Ф. Лосева «Диалектика мифа», лучшим разделом которой являются параграфы, посвященные именно разъяснению категории «чудо». Лосев полагает, что распространенное представление о чуде, как о чем-то нарушающем законы природы и вносящем хаос в мировой порядок, глубоко ошибочно. В чуде мы имеем дело, прежде всего, с совпадением или, по крайней мере, с взаимоотношением и столкновением двух каких-то разных планов действительности. Это, по-видимому, и заставляло многих говорить о вмешательстве высших сил и о нарушении законов природы. Согласно Лосеву, чудо — это, прежде всего, диалектический синтез двух планов личности, когда она целиком и полностью выполняет лежащее в глубине ее исторического развития задание первообраза². Это как бы второе воплощение идеи, если считать, что первое — в изначальном, идеальном архетипе и парадигме, воплощение этих последних в реальном историческом событии. Важно, чтобы связь ее реального исторического положения со своим идеальным прототипом была выявлена и продемонстрирована³.

Если Лосев дает философскую, диалектическую разгадку чуда, то современный мыслитель Сергей Переслегин в своей знаменитой статье «Стратегия чуда: введение в теорию неаналитических операций»⁴, приводит понимание чуда, исходя из других теоретических оснований, но приходит к похожим выводам. Он разрабатывает теорию чуда главным образом применительно к военным действиям и опирается при этом на восьмиконтурную модель психики известного американского психолога и писателя Т. Лири⁵.

На основании данной модели поведение человека может быть представлено как результат взаимодействия нескольких жестко закрепленных паттернов. Особое значение среди них, с точки зрения рассматриваемой проблемы, имеет так называемый пятый, или нейросоматический, контур (высокоэнергетическая структура), который связан с корой и подкоркой правого полушария мозга.

Нейросоматический контур отвечает за интуитивные озарения и, с точки зрения «технологии» чуда (что рассматривается на примере

военного искусства), всегда связан с возбуждением в психике военного главнокомандующего нейросоматического уровня, позволяющего построить и навязать своим войскам нестандартные операции против врага — так называемый безумный «тоннель Реальности». Под ним можно понимать издревле известное явление «предварительного преодоления обстоятельств», проявляющееся в классической формуле: «безумцам сопутствует удача». Эта формула связывает неаналитические операции с безумием, понимаемым не в психиатрическом смысле, а скорее в смысле Лосева — как настройку личности командующего на тот идеал, которого требует данная военная операция в данных исторических обстоятельствах. Другими словами, мышление на уровне пятого контура позволяет увидеть победу, средства, при помощи которых она будет достигнута, и «чудеса», которые для этого понадобятся.

Значительно более богатые ресурсы содержит шестой — нейрогенетический контур. Если интуитивные озарения пятого контура происходят все-таки на уровне личности, то шестой контур включает в работу коллективный мозг всего социума — архетипические конструкции, коллективное бессознательное. В военной стратегии шестой контур — «кольцо Всевластья», позволяет решать любые задачи. Тогда и происходит чудо, участником которого является весь народ, вся страна, как это было во время Великой Отечественной войны.

Чтобы рассуждения по поводу чуда были более наглядными, необходимо привести некоторые примеры, известные в истории России именно как чудо. Поскольку наша история — это, как уже отмечалось, история непрерывных войн с непродолжительными мирными передышками, постольку явления чуда целесообразно рассматривать главным образом на военных примерах. Правомерность такого подхода обусловлена самим характером чуда, которое есть событие, проявляющееся, как правило, в предельных, экстремальных ситуациях, каковой и является война. Возьмем за исходное определение военного чуда, предлагаемое С. Переслегиным: «Будем называть чудом всякое боевое столкновение, исход которого столь сильно отличается от нормального, что это не может быть объяснено с точки зрения статистической гипотезы. Подчеркнем, что речь идет в данном случае о событиях, скорее невероятных вообще, чем маловероятных»⁶.

За неимением места ограничимся лишь примерами из истории Великой Отечественной войны, которые привел в своей книге авторитетный американский военный историк, Дэвид М. Гланц⁷. Свою фундаментальную работу, беспрецедентную по точности и глубине анализа, признанную классической, он так и назвал «Советское военное чудо 1941 — 1943. Возрождение Красной Армии». Автор показал, как в конце 1942 г. совершилось одно из тех русских чудес, которым не перестает удивляться мир. Разгромленная, обескровленная,

почти полностью уничтоженная Красная Армия словно восстала из мертвых, сначала отбросив Вермахт от Москвы, затем, разгромив армию Паулюса под Сталинградом, окончательно перехватила стратегическую инициативу в Курской битве, что и предопределило исход войны. Аналогичных военных примеров из истории России можно привести множество.

Но и мирное время, например, период индустриализации, было временем трудных, порой жестоких испытаний. По своему запредельному напряжению оно немногим отличалось от войны. Проводить индустриализацию в условиях враждебного окружения, рассчитывая только на свои силы и средства, до сих пор не удавалось никому. Достаточно вспомнить, что рост промышленного производства в СССР к 1938 г. по сравнению с 1913 г. составил 908%. Рациональный ум не в силах понять, откуда бралось столько сил и решимости жертвовать собой.

После Великой Отечественной войны произошло восстановление страны в кратчайшие сроки, создание ядерного комплекса, прорыв в космос — все это также иначе как чудом не назовешь!

Таким образом, России в истории не раз приходилось выбираться из ситуаций, совершенно безнадежных и исключительных, демонстрируя способность возрождаться после поражений и катастроф. Готовность к молниеносной мобилизации, непреклонный стоицизм перед лицом опасности, героическое воодушевление и жертвенность в деле отстаивания своих идеалов были присущи народу в полной мере. Неслучайно в середине 1950-х гг. потрясающие достижения нашей державы за рубежом так и называли — «русское чудо».

2. «Технология» чуда

Встречаясь с проявлением чуда, мы сталкиваемся с проблемой чрезвычайной важности. Если чудо есть событие невероятное, то как же оно происходит? Возможно, разработанные Лосевым и Переслегиным теории, исходя из разных (но дополняющих друг друга) концептуальных оснований, не являются исчерпывающими и всеобъемлющими, тем не менее, они дают некие методологические подходы для понимания действий сложной социальной системы в ее ключевых, судьбоносных моментах. Но самое главное — они помогают понять «технологии» чуда, так необходимую России в современной непростой ситуации.

Уже упомянутый Д. Гланц в общих чертах раскрыл «технологии» «русского чуда». Он развенчивает многие мифы как в немецкой, так и в американской историографии и неопровержимо доказывает, что решающая победа над Германией была одержана именно на Восточном фронте и стала отнюдь не случайной, что исход войны решили не «генералы Грязь и Мороз», не глупость и некомпетентность Гитлера (который на самом деле был выдающимся стратегом), а мужество, са-

моотверженность, стойкость русского солдата и возросшее мастерство советского командования.

Мужество, самоотверженность и стойкость — это ставшие привычными слова, над которыми мы не очень задумываемся. Но ведь именно они выражают те свойства, которые, согласно Лосеву, могут иметь разные степени полноты воплощения, достигая своего предельного уровня в ситуации, когда человек ставит на кон свою жизнь и делает свой ценностный выбор. Это и есть момент высшего проявления человеческой личности, совпадение ее с идеалом, именно тогда и случается чудо.

Чтобы выжить и победить в пограничных, экстремальных условиях, народ *вынужден* был творить «чудеса». В такие моменты словно какая-то волна входила в состояние резонанса в душах всего народа и вчерашние обычные, ничем не примечательные люди становились героями самой высшей пробы. Когда накапливалась критическая масса людей, входящих в «состояние героя», начиналась цепная реакция. Такое «состояние героя» сопровождалось сильнейшей генерацией духовной энергии. Все эти качества учитывались в стратегии командования, они были ее основой и движущей силой.

Что же касается «возросшего мастерства» советского командования, то ключом к нему было доминирование субъективных факторов над объективными, в основе которого была логика *невозможного*, включавшая в себя не только рациональные, но и иррациональные моменты. Речь идет, по сути, об индукции некоего подобия безумия. Сторона, дерзнувшая подготовить и осуществить невозможную операцию, была как бы чуть-чуть «не в себе» с точки зрения обыденного здравого смысла. Немцы столкнулись с неукротимым потоком энергии, способным преодолеть любые опасности и препятствия, а также с яростной, почти религиозной верой в неизбежность чуда. Не только советские войска должны были поверить, что они сильнее и способны выиграть, но и немцы — согласиться с тем, что проиграли: их уравновешенное мировоззрение оказалось бессильным против такой неистовой веры. Как пишет Переслегин, «с этой точки зрения мы должны признать правоту Ф. Фоша: “Выигранная битва — это та битва, в которой вы не признаете себя побежденным”»⁸. Примечательно в этой связи высказывание генерала Эйзенхауэра: «Жуков шутить не любит. Если уж он поставил цель сокрушить главную цитадель фашизма в самом сердце Германии, он это непременно сделает»⁹.

3. Враги явные и неявные

Несмотря на то, что Россия, пережив огромное количество войн, неизменно демонстрировала военное чудо и волю к победе, мир по-прежнему рассматривает Россию как объект для тотального сокрушительного удара. Уже вполне открыто пишутся книги с названием

вроде «Мир без России». А кандидат в президенты США Митт Ромни в интервью CNN от 27 марта 2012 г. назвал Россию главным противником США. Очень откровенно высказался на этот счет и старейшина американской дипломатии Генри Киссинджер, который, оценивая итоги военной кампании на Ближнем Востоке, заявил еще в ноябре 2011 г.: «Если вы не слышите, как гремят барабаны войны, вы, должно быть, глухие... Мы позволили Китаю увеличить свою военную мощь, дали России время, чтобы оправиться от советизации, дали им ложное чувство превосходства, но все это вместе быстрее приведет их к гибели... Соединенные Штаты имеют лучшее оружие, которого не имеет никакой другой народ, и мы покажем это оружие миру, когда придет нужное время»¹⁰.

Пережив неисчислимые бедствия и понеся огромные потери в войнах, наш народ особенно чувствительно относится к угрозе войны и поэтому готов идти на любые жертвы, самоограничения и самопожертвование «лишь бы не было войны» (фраза, в постсоветское время часто подвергавшаяся издевательскому осмеянию). На этом страхе перед войной и спекулировали американцы во время холодной войны, вынудив Советский Союз пойти на колоссальные военные расходы, что в значительной мере разорило СССР и впоследствии привело его к краху.

Однако философия так и не создала основательного труда, посвященного проблеме врага. Основная заслуга в теоретической разработке этой проблемы принадлежит немецкому политологу и юристу К. Шмитту, который в работе «Понятие политического» обосновал необходимость разграничения между «другом» и «врагом» как политический императив истории¹¹. Без такого разграничения, по мнению политолога, ни одно государство, ни один народ, ни одна нация не смогли бы сохранить своего особенного лица, не смогли бы иметь своего собственного пути, своей собственной истории.

В этой связи Шмитт критиковал парламентаризм и либерализм за их неспособность определить действительного врага как такового, что не позволяет в «исключительных обстоятельствах», под которыми понималась главным образом война, соединить множество разнородных органических факторов, относящихся как к традиции, историческому прошлому, так и к героическому преодолению опасных ситуаций, страстному порыву, внезапному проявлению глубинных экзистенциальных энергий. Как показал Шмитт, политик, рассуждающий в категориях «враг» — «друг» с ясным осознанием смысла этого выбора, оперирует тем самым экзистенциальными категориями, что придает его решениям, поступкам и заявлениям качество *реальности, ответственности и серьезности*. Этих качеств лишены все утопические гуманистические и либеральные абстракции, превращающие драму жизни и смерти в войне в одномерную химерическую декорацию, в которой нет места победе и выживанию народа.

Такая позиция находит свое яркое подтверждение в современной российской реальности, когда под флагом благостного «стремления» к миру во имя всего человечества и заявления о том, что у России нет врагов, в 1990-е гг. был совершен радикальный отказ от базовых стратегических интересов и позиций нашей страны.

Критерием прежней, традиционной войны всегда считались *средства* ее ведения. То есть, если применяются огневые средства — это война, если нет — следовательно, это мир. Постсоветская Россия столкнулась с продолжением этой войны в тайной, тщательно скрываемой форме, ведущей к исчезновению границы между состояниями войны и мира, что оказалось непривычным и очень опасным для российской государственности.

В настоящее время критерием войны являются не средства, а *достигнутые цели*, сопоставимые с целями, которые обычно преследуются в ходе традиционной войны. Сегодня эти цели эффективно достигаются без применения оружия. Если к неясной войне применить критерий достигнутых целей, то перед нами предстанет довольно зловещая картина. Здесь есть все то, о чем мог мечтать Гитлер, принимая вооруженную агрессию против нашей страны. Цели же абсолютно идентичны: уничтожение СССР (России), разграбление национальных богатств, смена режима, оккупация политического, экономического и информационного пространства.

Сутью тайной, неясной войны является именно тайна — сокрытие собственного существования: ведь нельзя организовать оборону от того, чего не существует. Новейшая, неясная война использует широчайший диапазон средств: подписание обманных договоров, утечку нужной информации, проталкивание на руководящие посты агентов влияния, вбрасывание компромата против соперников, контроль над СМИ, навязывание ложных направлений научного исследования и дискредитацию правильных направлений; формирование системы образования, научной и культурной среды с целью изменения идеологических ценностей, влияние на терминологию и даже на языковые нормы, дирижирование движениями протеста и выступлениями деструктивных сект, создание «пятых колонн», манипуляция внутренней оппозицией, поддержка диссидентов и перебежчиков, политические убийства и перевороты¹².

Важное место в этом арсенале занимают разработка и последующий вброс опасных мировоззренческих и идеологических концептов. Так, например, россияне все время пытаются ввести в заблуждение и поймать в капкан двух ложных стратегий. Первая состоит в том, что Россия будто бы должна вписаться в существующий мир, «интегрироваться в мировое сообщество» *любой ценой*. Очень многие в нашей стране такую позицию не разделяют. И поэтому их пытаются загнать в другую ловушку. В людях разжигают самый примитивный,

племенной национализм. Если Россия попадет в первый капкан, то очень скоро перестанет быть страной с тысячелетней традицией, а ее коренное население уменьшится в несколько раз. Если же двинется по второму пути, то ее легко спровоцируют на серию локальных конфликтов, которые окончательно добьют страну¹³.

Сегодня контуры неявной войны становятся все яснее. Из России по-прежнему уходят колоссальные средства, народ по-прежнему, во всех смыслах, разоружается, деградирует, его численность стремительно сокращается.

Из логики современных событий следует, что к самым страшным последствиям приводит не реалистическое признание качественной специфики политического существования народа, за которое ратовал Шмитт и которое всегда предполагает деление на «врагов» и «друзей», а стремление к втискиванию наций и государств в клетки утопических концепций «единого и однородного человечества», лишенного всяких органических и исторических различий.

Средствами неявной войны ведется методичное строительство Нового мирового порядка. Как видно из книг немецкого политика и ученого А. фон Бюлова, швейцарского историка Д. Гансера и др., мировая закулиса еще в годы холодной войны под предлогом борьбы с коммунизмом создала уникальные и бесконтрольные структуры тайной власти, и теперь эти структуры способны, наконец, установить Новый мировой порядок¹⁴, лишив будущего целые народы и общества.

В связи с этим все больше мыслителей на Востоке и Западе признают наличие единого могущественного теневого центра власти, который имеет неоспоримое влияние на политику США, большинство стран Европы и Россию. Не замечать этого сегодня, по меньшей мере, странно. Как удачно кто-то заметил: можно сколько угодно потешаться над сторонниками «теории заговора», выставляя их жалкими маргиналами, но ведь лучше быть проницательным маргиналом, чем респектабельным ослом.

Точное распознавание элементов мирового заговора часто бывает затруднено, поскольку в этом процессе складываются воедино две составляющие: стихийная и рациональная. *Стихийная* составляющая состоит в том, что общество, лишенное в результате неявной войны истинного знания, неизбежно вступает на путь деградации, самоуверенно полагая при этом, что идет по пути «прогресса». *Рациональная* же составляющая заключается в том, что эта «естественная» деградация-энтропия сознательно поощряется и легализуется в виде нормы той денежной силой, которая стремится к господству над миром, поскольку расчеловеченным человечеством проще управлять при помощи его материальных потребностей. Это ее важный стратегический принцип, который она стремится распространить на весь мир как условие своего самосохранения.

Сложением этих двух составляющих и обеспечивается успех заговора: его движущая сила не столько в откровенном насилии, сколько в поощрении безответственной свободы человека. Разумеется, мировая закулиса не в состоянии контролировать жизнь во всем множестве ее проявлений, но она стремится взять под контроль властные, информационные и экономические структуры государств в их ключевых точках и таким способом контролировать главные процессы через контроль над потребностями людей.

Западу и его проводникам в России, которые играют решающую роль в неявной войне и за спиной которых — вся его мощь, финансы, армии, спецслужбы, важно реформатировать «русское чудо» и русскую победу в непрерывный каскад русских поражений и неудач. Цель — сбить «настрой на героическую волну», чтобы никогда больше «русское чудо», потрясавшее весь мир, не повторилось.

4. Возможно ли новое чудо?

Нельзя выиграть войну явную или неявную, не приняв ее вызов. А для этого необходимо осознать, что наша страна сейчас переживает не очередное смутное время, а находится в состоянии неявной, небывалой войны без правил. Поэтому нужно, во-первых, признать сам факт этой войны, во-вторых, понять ее сущность, и, в-третьих, выработать соответствующую стратегию обороны. Любая двусмысленность, туманность, неопределенность в этом вопросе скажется на ходе и конечных результатах развития России.

Таким образом, в критической ситуации России вновь необходимо чудо, попирающее неизбежность наиболее вероятных негативных тенденций, отменяющее беспредельную власть денег, страха и душевной опустошенности. Нам нужно чудо, дающее силу добру, власть мудрости и рождающее из единиц неодолимую силу народа — создателя и победителя. Без этого чуда все планы развития и программы прорывов, при всех их достоинствах и совершенствах, все ресурсы, направленные на их осуществление, все технологии, обеспечивающие их выполнение, останутся не более чем ухищрениями, способными лишь несколько уменьшить масштабы катастрофы.

Запроектировать «русское чудо» невозможно. Нельзя его рассматривать и в качестве фактора безусловной исторической наследственности. Но определенную «технология» чуда нужно учитывать. Поэтому важно понять, почему и в каких исторических ситуациях явление чуда происходило, а в каких — нет, что лежало в основе чуда и возможно ли чудо в наших условиях?

Как уже отмечалось, в основе чуда, имеющего отношение к человеческому обществу, лежит мобилизация всех духовных, нравственных, физических сил народа в условиях пограничности, стояния на краю обрыва, т.е. выход этих сил на уровень запредельности. Непременным

условием такой мобилизации сил является знание своего врага, его ресурсов, психологии, методов политического и военного поведения. Для этого необходимо вывести из тени темную империю, неявную силу, показать, кто сегодня наш главный враг, и тем самым мобилизовать настроя на «героическую волну», который и приводит к чуду.

Таким образом, современная «технология» чуда предполагает разработку идеологии мобилизации, т.е. ценностную, а также смысловую заданность чуда. Кроме того, она требует соответствующей культурной политики, запуска и инициации различных социокультурных процессов.

Те, кто сегодня пытается логическим путем, исключительно рационалистически и механически «просчитать» проект возрождения России, чаще всего заходят в тупик. В рамках научно-технократического подхода до сих пор не удается преодолеть основные недостатки, присущие социальным преобразованиям, ведь социальные проекты либо утопичны, нереализуемы, либо подменяются социальными манифестами, концепциями, программами.

В результате неявной войны, ведущейся против России, у некоторых исследователей создается впечатление, что Россия отстала от развитых стран навсегда, и в кризисной ситуации в руках у русских не будет весомых аргументов в защиту своего существования в качестве нации, достойной хоть какой-нибудь роли в мировом развитии. Между тем наша история подсказывает нам, что возрождение возможно, и носить оно будет характер чуда. «Русское чудо» будет связано с восстановлением целостного мирозерцания, которое Лосев считал синтезом знания и веры, элементом абсолютной мифологии.

«Русское чудо», по всей видимости, и означает духовное возрождение, восстанавливающее Традицию как живой источник смыслов. С прагматической же точки зрения, речь идет о социальной мифологии, о мифе, который воздействует на всю политическую структуру общества, провозглашая высшие ценности, но не замыкаясь на них. Русский миф немыслим без сверхидеи — «русского чуда», которое может иметь вполне реальные, осязаемые воплощения в близком будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Русские чудеса. — URL: <http://subscribe.ru/group/mir-iskusstva-tvorchestva-i-krasoty/1029631/>

² См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. — М., 2008. — С. 210.

³ Там же. — С. 216.

⁴ См.: Переслегин С.Б. Стратегия чуда: введение в теорию неаналитических операций. — URL: <http://www.metodolog.ru/00200/00200.html>

⁵ Лири Т. Нейрополитика. — URL: <http://www.leary.ru/books/cult/?n=18>

⁶ Переслегин С.Б. Стратегия чуда: введение в теорию неаналитических операций.

⁷ См.: *Гланц Д.М.* Советское военное чудо 1941 – 1943. Возрождение Красной Армии. – М., 2008.

⁸ Цит. по: *Переслегин С.Б.* Стратегия чуда: введение в теорию неаналитических операций.

⁹ Цит. по: *Гареев М.* Полководцы победы. – М., 2005. – С. 122 – 123.

¹⁰ Генри Киссинджер об Иране, России, Китае // Знание – Власть. 15 января 2012. – URL: (http://znanie-vlast.ru/news/genri_kissindzher_ob_irane_rossii_kitae/2012-01-15-617)

¹¹ См.: *Шмитт К.* Понятие политического. – М., 2011.

¹² См.: *Назаров М.* Апокалипсис и Россия: Вождю Третьего Рима. – М., 2012. – С. 147.

¹³ См.: Образ молнии. Стратегическое введение: чудо как наша цель. – URL: (<http://bookap.info/okolopsy/kalashnikov4/g112.shtm>)

¹⁴ Применение в политике обозначения для прогнозов на будущее мировое устройство (См.: *Уткин А.* Новый мировой порядок. – М., 2006).

Аннотация

В статье показана эвристическая ценность забытого философского понятия чуда в исследовании истории России.

Ключевые слова: государство, чудо, неявная война, враг, героизм, мобилизация, возрождение.

Summary

The article examines the heuristic value of the underrated and forgotten philosophical notion of miracle in the study of Russian history.

Keywords: state, miracle, implicit war, enemy, heroism, mobilization, revival.